

Каторга и ссылка 60–70-х гг. XIX в.:
общеуголовные законы и правила
о политических ссыльных

Алексей С. Гулин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, asgulin@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема законодательно-го регулирования политической каторги и ссылки в Сибирь на примере пореформенного периода в 60–70-х гг. XIX в. в дихотомии общеуголовных законов и правил о политических ссыльных. Автор доказывает в статье, что толкование прошлыми и настоящими историками сибирской ссылки форм и методов правового регулирования, господствующие представления и оценки исследователей относительно значения правовых норм далеки от реалий времен политической каторги и ссылки пореформенной эпохи.

Ключевые слова: политическая каторга и ссылка 60–70 гг. XIX в., общеуголовные законы, правила о политических ссыльных, Устав о ссыльных, Устав о содержании под стражей, Временное комендантское управление на Нерчинских заводах, Временное управление по надзору над политическими преступниками в Восточной Сибири, Правила по устройству быта политических ссыльных, секретное делопроизводство

Для цитирования: Гулин А.С. Каторга и ссылка 60–70-х гг. XIX в.: общеуголовные законы и правила о политических ссыльных // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 7. С. 55–65. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-55-65

Penal servitude (Katorga)
and exile in 60–70th years of the 19th century.
General criminal laws and regulations on political exiles

Aleksei S. Gulin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, asguiln@mail.ru*

Abstract. The article considers an issue of legislative regulation of political penal servitude and exile to Siberia on the example of the post-reform period in the 60–70s of the 19th century. in the dichotomy of general criminal laws and rules about political exiles. The author proves in the article that the interpretation of the Siberian exile by the past and present historians of the forms and methods of legal regulation, the prevailing views and assessments by researchers of the legal norms value are far from the realities of the times of political penal servitude and exile in the post-reform era.

Keywords: political katorga and exile in 60–70th years of the 19th century, general criminal laws, rules on political exiles, Charter on exiles, Charter on detention, Temporary commandant administration at the Nerchinsk factories, Temporary administration for supervision over political criminals in Eastern Siberia, Rules for the arrangement of the life of political exiles, secret office work

For citation: Gulin A.S. (2021), “Penal servitude (Katorga) and exile in 60–70th years of the 19th century. General criminal laws and regulations on political exiles”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 55–65, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-55-65

Введение

Сложнейшим вопросом, на который как в российской, так и в зарубежной исторической литературе о сибирской ссылке до сих пор нет ясного представления, является вопрос – какими собственно законодательными актами регламентировался режим политической каторги и ссылки. Были ли Устав о ссыльных и Устав о содержании под стражей главными регламентирующими документами? Имели ли распоряжения высших и местных властей, правила и инструкции, издаваемые ими в отношении политических ссыльных, значение только лишь подзаконных актов, часто вступающих в противоречие с общеуголовными законами? Эти вопросы и вопросы о том, в каких пределах общеуголовное законодательство было распространено на политических и каким образом и почему политические были изъяты частично или полностью

из-под действия ряда статей Устава о ссыльных, остаются открытыми по сей день.

Как мы убедились в ходе исследования этого вопроса, политические каторга и ссылка как особый институт, вычленимый из общеуголовного порядка, определялся таковым не только тем, что являлись инструментом репрессивной политики государства против политических противников, бунтарей и инакомыслящих, но и тем, что средствами осуществления таковой репрессии выступали так называемые особые правила о политических, издаваемые высшими органами власти, имевшими силу или закона, или подзаконного акта, при институализации чрезвычайных временных учреждений по организации особого режима изоляции политических преступников для осуществления надлежащего за ними надзора и исполнения наказания над этой категорией осужденных.

Общеуголовными законами сами политическая каторга и ссылка как отдельный институт не были предусмотрены, и у правительства со времен репрессий по отношению к декабристам возникла острая необходимость вычленить их кругом особых правил, так называемыми правилами о политических.

Вместе с этим убеждением к нам пришло и убеждение в отсутствие конкретного представления об особенностях правил о политических и, как следствие, об особенностях режима политической ссылки и каторги, которая и регламентировалась этими правилами, ввиду чего в исторической литературе касательно этой тематики мы сталкиваемся с путанными или туманными отрывочными описаниями регламентов и режима сибирской политической ссылки, со смутным представлением о ее отличиях от общеуголовной [Дворянов 1971; Иванов 2016; Иванов 2017; Клер, Шостакович 1984; Мошкина 1998; Gentes 2017; Skok 1974].

Так, основным постулатом исследователя Нерчинской политической каторги второй половины XIX в. З.В. Мошкиной, который красной нитью прослеживается сквозь все ее работы, является то утверждение, что к государственным преступникам применялся административный произвол в виде инструкций, в частности запрещающий им выход на внештатное содержание по отбыванию 1–3 лет тюремного заключения после перечисления в отряд исправляющихся [Мошкина 1998; Мошкина 2010; Мошкина 2018]. Ей же принадлежит следующее утверждение:

Вместе с тем, в процессе реализации режимных правил широкое применение имели подзаконные акты, например, инструкции вышестоящих органов власти, осуществлявших надзор за политическими ссыльнокаторжными. Несмотря на то, что подзаконные акты имели более низкую юридическую силу, чем закон, они существенно

корректировали режим содержания заключенных, осужденных за государственные преступления [Мошкина 2010, с. 18].

Таким образом, автор противопоставляет между собой режимные правила, т. е. Устав о ссыльных и инструкции высших органов власти о тех же режимных правилах. При этом в работах говорится об инструкциях в общем смысле, и не совсем ясно, какие именно инструкции и каких именно высших властей исследователь имеет в виду. В цитируемой статье автор рассматривает вопрос ретроспективно с 60-х по 90-е гг. XIX в., но с 80-х гг., с вхождением на престол Александра III, меняются ряд регламентирующих актов и общий подход к политической ссылке и каторге. Относительно же 60–70-х гг. автор несомненно имел в виду распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова о неприменении в отношении государственных преступников ст. 577–578 Устава о ссыльных¹, касающейся выхода ссыльнокаторжных на внетюремное содержание в вольную команду, после побега с каторги А.А. Красовского². Именно на это, как бы вступающее в противоречие с общим законом решение Корсакова и указывал автор. Оно, действительно, кажется на первый взгляд произволом, но той же ст. 577 упомянутого Устава решение выпускать или не выпускать каторжника на внетюремное содержание принимали непосредственно тюремное начальство и главные местные органы власти, отвечающие непосредственно за надзор и исполнение наказания, при этом непременно с согласия главного начальника края, что не обязывало их к безоговорочному исполнению данной «льготы», если бы они сочли, что кандидат не заслуживает этого в силу дурного поведения или ввиду склонности к побегу (в статье указано прямо «могут», а не «обязаны»). Эта норма общеуголовного права вовсе не сводилась «к неукоснительному применению к категориям всех заключенных без исключения», как интерпретирует автор. Другое дело, что в отношении «политических», т. е. польских инсургентов, и уголовников такая практика имела место без особых ограничений.

Мы начали рассмотрение соотношения общеуголовного законодательства и правил о политических ссыльных и каторжных с этого несложного примера как с иллюстрации непонимания историками сибирской ссылки того, что в целом политическая ссылка в описываемый период регулировалась путем изъятия политических из-под действия общеуголовных законов в той мере, в какой правительством считалось удобным и необходимым посредством

¹ Свод учреждений и уставов о ссыльных // СЗРИ. Т. XIV. Ред. 1857 г.

² ГАРФ. Ф. 29. Оп. 6. Д. 29. Л. 104а–104а–об.

издаваемых им регламентов, т. е. «правил о политических». Поэтому историки, изучая архивные документы, с недоумением замечают бесконечные запросы местной администрации к высшей власти о возможности применения той или иной статьи Устава о ссылных по тому или иному случаю к той или иной категории политических ссылных. Ясного и прямого ответа в документах нет, но речь постоянно идет об изъятиях из общего порядка и об особых правилах, что и должно было бы служить исследователям путеводной звездой.

Ближе других к пониманию природы и механизма законодательного регулирования политической ссылки подошел в своих ранних работах С.В. Кодан. В своем исследовании политической ссылки первой половины XIX в. он приходит к следующему заключению:

Политическая ссылка в Сибирь как особый институт репрессии... регулировалась, как и деятельность политической полиции, нормами административного (полицейского) права, направленными на охрану «благочиния»... Разработка правовых актов о политической ссылке была изъята из системы общего законодательного процесса, а их применение было поставлено под личный контроль императора и подчиненных ему органов административно-полицейского управления страной (III отделения, Корпуса жандармов, Комитета министров и др.). Правовой статус изгнания революционеров на окраины империи коренным образом отличался не только от положения ссылных по законодательству о ссылке в Сибирь, но и нередко вступал с ним в противоречие. Однако эти коллизии разрешались в пользу многочисленных отступлений от существовавших законов для обеспечения выполнения целей, стоявших перед ссылкой в Сибирь деятелей освободительного движения 1825–1861 гг. [Кодан 1980, с. 37].

Однако С.В. Кодан настаивает именно на административном изъятии политической ссылки из-под действия общих законов, тем самым задавая тон дальнейшим исследованиям, заявляя об административном произволе со стороны высшей власти в отношении политических ссылных. Для советского историка это были даже очень похвальные и замечательные выводы, клеймящие неограниченный произвол царизма по отношению к политическим противникам. Но никакой определенной ясности утверждения С.В. Кодана не вносят. В то же время, как мы считаем, следовало бы обратить внимание на общие правоустанавливающие положения. Основные государственные законы гласят: ст. 47, что «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов,

учреждений и уставов, от Самодержавной Власти исходящих»; ст. 48 устанавливает, что «законы в Империи действуют или единообразно в общей их силе, или с местными в некоторых их частях изменениями. Пространство сих изменений, места, где они допускаются, и связь их с законами общими, определяются в особенных законах, учреждениях и уставах»; ст. 53 гласит, что «законы издаются в виде уложений, уставов, учреждений, грамот, положений, наказов (инструкций), манифестов, указов, мнений Государственного Совета и докладов, удостоенных Высочайшего утверждения». Далее ст. 68 определялось: «Окончателное судебное решение частного дела имеет силу закона для того дела, по коему состоялось», а ст. 70 гласила: «Высочайший указ, по частному делу последовавший, или особенно на какой-либо род дел состоявшийся, по сему именно делу или роду дел отменяет действие законов общих»³.

Таким образом, для определения того, какое решение могло нести административный характер, а какое имело силу закона по частному делу или роду дел, если не распространялось на всех подданных, необходимо иметь сведения о том, были ли это решение или инструкция высочайше утверждены по докладу министров и главного начальника III отделения или по мнению Комитета министров. Отсюда, к примеру, высочайше утвержденная инструкция Нерчинскому коменданту 1826 г., данная генералу С.Р. Лепарскому, а позже, в 1864 г., вместе с прибавлениями и с наставлениями врученная еще одному Нерчинскому коменданту-генералу М.С. Шилову, имела силу закона, а не административной инструкции, т. е. подзаконного акта, и уже по этому определению выводы С.В. Кодана были неточны или не совсем верны, не говоря о последователях. О каких-либо иных высочайше утвержденных правилах, а они также имели место быть, в работе С.В. Кодана мы никаких конкретных указаний не находим или они размыты в тексте неопределенным образом.

Возвращаясь от работ С.В. Кодана ко второй половине XIX в., мы должны уточнить, что собственно свода правил о политических ссыльных как такового никогда не существовало, не было даже какого-либо перечня. Въедливый политический каторжный француз Эмиль Андреоли, осужденный по польскому восстанию 1863–1864 гг., проштудировавший Устав о ссыльных, замечал по этому поводу:

Этот закон был изменен для нас, и были введены совершенно особые дополнения. Вот причина: среди нас были политические и

³ Основные государственные законы // СЗРИ. Т. 1. Ред. 1857 г. Ст. 47, 48, 53, 68, 70.

государственные преступники, а закон не различал политических каторжников от убийц и воров [Андреоли 2011 с. 185].

Из отношения министра финансов М.Х. Рейтерна к министру внутренних дел П.А. Валуеву, датированного 16 июня 1867 г., к примеру, мы узнаем следующее:

Из означенных бумаг видно, что некоторые из политических преступников просят о дозволении им заниматься мелочною торговлею, на основании 878 ст. т. XIV уст[ава] о ссыльн[ых], по которой сосланным в Сибирь на житье, воспрещается лишь производить торговлю по купеческим свидетельствам. Как помянутая и другие статьи уст[ава] о ссыльн[ых] касаются лиц сосланных за обыкновенные уголовные преступления, относительно же политических преступников существуют особые правила, Высочайше утвержденные 6 февраля 1845 г., то возник вопрос, в какой мере может быть удовлетворена помянутая просьба⁴.

Как нами установлено, правила были разного рода – гласные и негласные, потому негласные правила тщетно искать в Своде законов или в Полном собрании законов. Они обладали статусом либо закона, либо административных правил (инструкций), исходящих от высших или от местных сибирских властей, существовали разрозненно по разным поводам, однако охватывали все важнейшие стороны политической ссылки. Правила, изданные высшими властями, не всегда толком знала местная администрация и нередко недоумевала, как и в какой степени их применять, поэтому больше упирала на понятный и привычный ей Устав о ссыльных и запрашивала время от времени, как поступить ей в том или ином случае, – согласно Уставу или будут другие распоряжения. Двойственная законодательная база значительно усложняла правоприменительную практику. Все правила о политических, изданные высшими властями со времен Николая I и декабристской ссылки, сохраняли свою юридическую силу и в 60–70-е гг. XIX в. как правила о государственных и политических преступниках, вместе с тем издавались новые, старые поправлялись и дополнялись в соответствии с обстоятельствами и духом времени.

Так, расширены и изменены были правила о собственных деньгах, присылаемых политическим, так называемых пособиях от родных. В отличие от высочайше утвержденного положения николаевских времен от ноября 1834 г., каторжным по высочайше

⁴ ГАРФ. Ф. 109. 1863. Оп. 38. Д. 23. Ч. 341. Лит. J. Л. 247–247 об.

утвержденному всеподданнейшему докладу министра внутренних дел от 7 января 1864 г. было разрешено получать на руки из собственных денег, хранившихся у непосредственного местного начальника, по 25 руб. в месяц, но не более [Гулин 2018], и это положение сохранялось и в дальнейшем. Такое правило вступало в противоречие с общеуголовными законами, т. е. с Уставом о ссыльных, по которому выдача денег на руки каторжникам, находящимся в отряде испытуемых, вообще была запрещена, а собственные деньги, хранившиеся у начальства, согласно ст. 579 Устава о ссыльных, выдавались на руки только «в полной мере», т. е. все, после выхода на внетюремное содержание.

Из вновь введенных правил, ранее не имевших практики применения для политических в первой половине XIX в., мы находим правила о корреспонденции, отраженные в наставлениях к инструкции Нерчинскому коменданту, по которым политическим ссыльным разрешалось сообщать о себе близким родным один раз в три месяца, передавая письмо в открытом виде коменданту. До введения правил политическим каторжным было воспрещено вообще писать когда-либо и кому-либо письма, и тогда же это право оставалось под запретом для уголовников согласно Уставу о ссыльных. По тем же правилам письма должны были находиться под цензурой коменданта и местных властей. Переписка подвергалась цензуре и со стороны III отделения, через которое письма должны были быть отправляемы к родственникам⁵. Это же правило было распространено некоторое время и на политических ссыльнопоселенцев. Цензура вообще за всей перепиской и политических ссыльных, и каторжных в Восточной Сибири административным порядком была возложена на Временное управление по надзору над политическими ссыльными и по устройству их быта при генерал-губернаторе Восточной Сибири во главе с заведующим этим управлением и приданным ему переводчиком с польского языка. Эта функция была закреплена инструкцией, утвержденной Комитетом по устройству быта политических ссыльных при ГУВС. Здесь мы имеем уже дело с административными правилами о политических, т. е. подзаконными актами, однако сопряженными с законом, т. е. с высочайше установленными правилами, и одобренными министром внутренних дел и III отделением. Письма к родным разрешалось писать на русском, польском, французском и немецком языках⁶, на тех, которые могли прочесть и перевести.

⁵ ГАРФ. Ф. 109. 1863. Оп. 38. Д. 23. Ч. 341. Лит. Е. Л. 15 об.–17.

⁶ Там же. Ф. 29. Оп. 36. Д. 24. Л. 364 об.

Заключение

Резюмируя сказанное, вынуждены констатировать, что основной ошибкой исследователей в отношении встречаемых ими в архивных документах «правил о политических», издаваемых высшими и местными властями в виде норм и инструкций, является восприятие ими этих «правил» как норм и инструкций административного порядка. Рассматривая терминологию вне историко-юридического контекста, определяя инструкцию, независимо от ее авторства и способа введения в законное действие, как подзаконный акт, авторы вводят себя и читателя в заблуждение относительно правового статуса рассматриваемого ими положения. Из этих заблуждений и исходят кажущиеся исследователям произвол властей и правовые коллизии, связанные с правилами о политических (нормами и инструкциями).

Литература

- Андреоли 2011 – *Андреоли Э.* Из Польши в Сибирь: Дневник пленного, 1863–1867 / [пер. фр. А.С. Гулина]. Чита: Экспресс-издательство, 2011. 185 с.
- Гулин 2018 – *Гулин А.С.* Личные деньги и их источники: к вопросу о материальном положении политических ссыльнокаторжных на Нерчинской каторге в 60–70-х гг. XIX в. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С 47–62.
- Дворянов 1971 – *Дворянов В.Н.* В Сибирской дальней стороне... (Очерки истории царской каторги и ссылки: 60-е годы XVIII в. – 1917 г.). Минск: Наука, 1971. 374 с.
- Иванов 2016 – *Иванов А.А.* Правовые особенности пребывания поляков – участников Январского восстания – в иркутской ссылке в 1863–1883 гг. // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7. № 5. DOI : 10.17150/2411-6262.2016.7(5).13.
- Иванов 2017 – *Иванов А.А.* Система полицейского надзора за политическими ссыльными на территории Иркутской губернии в 1860–1870-х гг.: проблемы становления // Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. Вып. 8 (20). Иркутск: Оттиск, 2017. С. 160–184.
- Клер, Шостакович 1984 – *Клер Л.С., Шостакович Б.С.* Второе комендантское управление на Нерчинских заводах (1864–1874) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 10. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1987. С. 101–121.
- Кодан 1980 – *Кодан С.В.* Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX в.: Учеб. пособие. Иркутск: ИрГУ, 1980. С. 37.
- Мошкина 1998 – *Мошкина З.В.* Нерчинская политическая каторга: вторая половина XIX в. Чита: Изд-во Забайкал. гос. пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 1998. 112 с.

- Мошкина 2010 – *Мошкина З.В.* Подзаконные акты в практике исполнения наказания на политической каторге во второй половине XIX века // История государства и права. 2010. № 11. С. 18–21.
- Мошкина 2018 – *Мошкина З.В.* Применение к ссыльнокаторжным государственным преступникам порядка содержания вне тюрьмы на Нерчинской каторге во второй половине XIX века // Гуманитарный вектор. Т. 13. № 6. Чита: ЗаБГУ, 2018. С. 49–50.
- Gentes 2017 – *Gentes A.A.* The mass deportation of poles to Siberia, 1863–1880. Alstead, NH, 2017. 262 p.
- Skok 1974 – *Skok H.* Polacy nad Bajkałem: 1863–1883. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974. 335 s.

References

- Andreoli, E. (2011), *Iz Pol'shi v Sibir': Dnevnik plennogo, 1863–1867* [From Poland to Siberia. Diary of a prisoner, 1863–1867], [trans. from. French by A.S. Gulin], Ekspres-izdatel'stvo,
- Dvoryanov, V.N. (1971), *V Sibirskoi dal'nei storone... (oчерki istorii tsarskoi katorgi i ssylki. 60-e gody XVIII v. – 1917 g.)* [In the Siberian far side... (Essays on the history of the tsarist penal servitude and exile. 1860s –1917)], Nauka, Minsk, Russia.
- Gentes, A.A. (2017), *The mass deportation of poles to Siberia, 1863–1880*, Palgrave Macmillan, Alstead, NH, USA.
- Gulin, A.S. (2018), “Personal funds and its sources. On the question about the financial position of the exiled convicts at the Nerchinsk political katorga in the 60–70th years of the 19th century”, *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*, no 6 (39), pp. 47–62.
- Ivanov, A.A. (2016), “Legal features of Poles – participants of January revolt sojourning in Irkutsk exile in 1863–1883”, *Baikal Research Journal*, vol. 7, no. 5, DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(5).13.
- Ivanov, A.A. (2017), “System of police supervision for political exiled in the territory of the Irkutsk province in the 1860–1870th. The formation issues”, *Sibirskaya ssylka*, iss. 8 (20), Ottisk, Irkutsk, Russia, pp. 160–184.
- Kler, L.S. and Shostakovich, B.S. (1984), “The second commandant administration at the Nerchinsk factories (1864–1874)”, *Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri (XIX v. – fevral' 1917 g.)*, iss. 10, Izd-vo IGU, Irkutsk, Russia, pp. 101–121.
- Moshkina, Z.V. (1998), *Nerchinskaya politicheskaya katorga: vtoraya polovina XIX v.* [Nerchinsk political katorga. The second half of the 19th century], Izd-vo Zabaykal. gos. ped. un-ta im. N.G. Chernyshevskogo, Chita, Russia.
- Moshkina, Z.V. (2010), “By-laws in the practice of executing punishment in political penal servitude in the second half of the nineteenth century”, *Istoriya gosudarstva i prava*, no 11, pp. 18–21.
- Moshkina, Z.V. (2018), “Application of Penal Servitude Rules of Living Outside the Prison to State Criminals Sentenced to Penal Servitude in Nerchinsk in the Second Half of the 19th Century”, *Gumanitarnyi vector*, vol. 13, no 6, pp. 49–50.
- Skok, H. (1974), *Polacy nad Bajkałem:1863–1883* [Poles on Lake Baikal. 1863–1883.], Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Warsaw, Poland.

Информация об авторе

Алексей С. Гулин, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; asgulin@mail.ru

Information about the author

Aleksei S. Gulin, applicant, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; asgulin@mail.ru